

В первый момент — не верю. Да, пусть нынче хороший тон — цедит скептически: «То, что он сейчас делает, мне не нравится». Но ведь это не он, а мы изменились, и армия поклонников его не убывает, несмотря ни на что, а имя по-прежнему служит паролем. Он в свои тридцать пять — кумир, легенда, и значение его группы для нас сопоставимо, пожалуй, с местом «Битлз» в мировом роке. Люди, попадая на его концерты, проявляют чудеса изобретательности, а тут — на тебе, стоит передо мной, улыбающийся, бородатый, в очках, тельняшке, трепаных трениках («насчет тельняшки — не подумайте, что я митек, просто я сейчас рисую»), худой, узкий, высокий. Черт его знает, может, и двойник? Держит его для прессы, а сам скрывается? — Да, Борис Борисович... Я гляжу, этот подъезд вам еще не успели расписать?

БГ: ноль тусовки

Гора с плеч

«Да, братки дорогие, уж беднее Гребешка — никого нет. Семья: за молоком сбегай, ведро помойное вынеси... А попробуй через поклонников продраться с этим помойным ведром! Ведь никто не предложит: Борис, я очень люблю твою музыку, поэтому давай я тебе вынесу помойное ведро. Куда там! На тебе, скажут, стакан, пей со мной, а я всем похвастаюсь: нажрался с Гребенщиковым. Вот подходит он к двери с помойным ведром, слушает: тихо. Быстро шмыгает в дверь и только ступает на лестницу, как сзади его хватают за горло. Помойное ведро выпадает, он падает, елозит ногами в помоях, не успевает рот раскрыть, чтобы вскрикнуть, — а ему ножом зубы разжимают и обливают туда стакан самогона... Лежит Боря, задыхается, полуслепый, разбившийся, а поклонники зубоскалят, спускаются по лестнице довольные: выпили все-таки с Гребенщиковым!» (В. Шинкарев, из «Митькова»).

В этом митьковском мифе почти все правда. На улице Перовской, на лестнице, просто жили человек десять, которые на самом деле ничего не понимали в наших песнях. Популярность — это стук в дверь каждые пять минут и полная невозможность нормально работать.

Прессу вы, по слухам, не жалуете.

— Ненавижу. Я надеюсь, хоть «Собеседник» — желтая пресса?

— Как вам сказать... Цветная.

— Ну, отлично.

— Прежде всего скажите точно: вопреки публикации в «За рубежом» — «Аквариум» не распадается?

— Насчет этой публикации — запишите дословно: я люблю небольшие скандалы, такие, как у нас в полный рост появилась настоящая желтая пресса. Статья «Распад в зените славы» напечатана без нашего и даже авторского согласия, и по ней вполне ясно, что автор никогда «Аквариума» толком не слышал: нет ни одной верной цитаты. Эта девочка действительно давно с нами знакома, но вряд ли когда-то понимала, что мы делаем. Если мы способствовали таким образом ее карьере, я очень рад. Но распадется мы не собираемся. То, что мы играем сейчас, мне кажется,

гораздо интереснее. Готовятся два альбома, один из них — к Новому году, но название и состав их — пока секрет даже для нас самих.

— Гора с плеч.

Ревущие восьмидесятые

— Мы беседуем в преддверии девяностых. А как вы встречали восьмидесятые?

— О, довольно странным образом. Наш знакомый остался один в пустом выселенном доме на Гончарной. Мы поставили туда всю свою звуковую аппаратуру, получились довольно громко. Недели три там происходило что-то, поражающее воображение. Милиция, не в силах найти источник звука, сбивалась с ног. Тогда многое было намечено и многое было предсказано. Один наш друг произнес пророчество: настает ревущие восьмидесятые. Это, в общем, сбылось. Видите, что делается...

— И вам это нравится?

— Очень. Жить и работать сейчас замечательно. Кто-то из дзенских патриархов сказал, что у человека не должно быть ни пола под ногами, ни крыши над головой. Я не скажу, что это оптимальное состояние для жизни, но для работы оно мне необходимо.

— Но ведь это жизнь без основы?

— Почему же? Основа не может находиться вне человека, она внутри. Вот жить без бога действительно нельзя, только к нему все приходят по-своему. Я, например, пришел через рок-н-ролл.

— Ваша религия, наверно, неприлична?

— Я просто понимаю Библию как некий свод духовных основ, где для меня ясно, может быть, полпроцента. Но мне хватает. Понимание Библии как сказки о загробной жизни — не просто догматизм, а идиотизм. Мне лично она видится как духовная история каждого человека: любое переживание свой апокалипсис, свое возрождение... «Собирайте плоды не с земли, но с неба» — это не значит, что где-то там воздастся. По-моему, воскреснет душа — хорошо, не воскреснет — что ж, мы этого знать не можем. Просто надо здесь, сейчас делать все, что

можешь. Обстоятельства — не оправдание. Представьте себе Гомера, который отказался сочинять «Илиаду» из-за того, что ему квартиру в Афинах не дают и приходится быть странствующим певцом... Надеяться на чудеса нельзя, надо умуудриться в этой жизни жить по-человечески. Любить человека абстрактно — очень легко, а вы попробуйте конкретно, в мелочах.

— И вам не трудно любить людей — таких?

— Трудно, но это самый большой кайф, который возможен. Искуство и это.

— Есть теория, по которой, напротив, художник — всегда эгоист, замкнут на себе.

— Ну да... но это очень узкий взгляд. В каждом художнике, кроме творческого человека, живет еще нормальный. А в том, что люди по природе своей — светлые и благое начало, я убежден абсолютно. Даже после всего, что было и есть. Человек рожден, чтобы примирить главное противоречие природы: с одной стороны, гармония, красота, с другой — под этой оболочкой — иерархия поедания. У Заболоцкого, которого я по-настоящему прочел только года 3-4 назад, есть строчки: «Жук ел траву, жука клевала птица»...

— «Хорек пил мозг из птичьей головы»...

— Да. А человек — первое существо, которое может существовать не за счет поедания кого-то. Это есть и у апостола Павла, в послании к римлянам: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Римл., 8, 19). Надо со-ответствовать этому назначению, это в нас заложено. Вот и основа.

Самая прочная страна

— Получается новая «теория малых дел»?

— Знаете, мы уже столько больших натворили... А 72 года назад такое большое дело сделали... Знаете, главное, что нужно сейчас делать? Посмотрите, в каких условиях у нас дети рождаются и воспитываются. Эти роддома, эти больницы, в которые не кладут, пока коридор не вымоет; эти сады, ясли.

Если сейчас у нас изменить отношение к детям, мы через 20-30 лет будем жить в совершенно другой стране. Надо начать с этого. Россия ведь тоже не нуждается в абстрактной любви.

Мне представляется, что Россия, в упрощенной модели, избрана богом как экспериментальный полигон. Это самая прочная страна. Никакая другая просто всего этого не выдержала бы.

— Бисмарк говорил: социализм в отдельно взятой стране построить можно, надо только найти страну, которую не жалко.

— Да-да, канцлер был по-своему прав. Я в одной из новых песен пишу: в России «достаточно бросить спичку, и огня будет не унять». Так же, кстати, у нас было и с рок-н-роллом. Он взрывался у нас, как некая бомба постепенного действия. То, что мы делаем, нужно всему миру, но нигде, кроме России, я не встречал людей, для которых то, о чем мы поем, было бы важнее всего на свете.

— А в Штатах?

Бесполезная колбаса

— Штаты сильно разочаровали меня. Прежде всего непрофессионализмом. Для меня профессионализм — умение получать кайф от того, что ты делаешь. Ведь по сравнению с работой на всех ее этапах — от первых нот до аранжировки — любой другой кайф просто ерунда, будь то водка или, как теперь говорят, «снятие баб».

Штаты — страна предельно коммерциализированной культуры, страна без своего пути, очень приземленная. Но там забавно.

— Там, вероятно, ожидали увидеть русского медведя, а увидели вполне цивилизованного англоязычного музыканта...

— Да никого они там не ожидали увидеть, я там почти никому не был нужен, хотя со многими людьми общался с большим удовольствием. Я ехал поработать в нормальной студии с нормальными профессионалами, и это мне удалось. Платинка расходилась очень средне, могла и хуже, там никто обо мне не знает по настоящему, я и рассчитывал на это. Мне было довольно того, что меня туда выпустили.

— Зато там много колбасы...

— Колбасы действительно много, но я мяса уже полтора года не ем.

— Вы бы хотели родиться в другое время и в другом месте?

— Никогда в жизни. Я могу работать только здесь, хотя деловые, профессиональные поездки туда дают очень много. Моя музыка после поездки стала интереснее.

«Гребень как из Штатов приезжает, так неделю лежит пластом, а потом неделю пьет, в себя прийти не может. Адаптируется, значит, к советскому образу жизни. Ах, как там хорошо, говорит, вы не поверите, как там хорошо...» (Слухи-89).

Петербург.

Будьте как дети

— Когда я там, в Штатах, следил по газетам и телевизору за событиями здесь, я думал, все, гражданская война, на улицу страшно выйти, одна мафия в другую стреляет... А когда приехал, оказалось: существует все это, и существует ночной Ленинград под луной, и он нигде не исчез. Просто можно воспринимать свое время, свою страну как нечто богом данное, а можно — как арену политической, денежной или другой тусовки. Я выбрал первое.

— Ленинград не изменился?

— Он не изменился с тех пор, как построен. Это город на костях, что не может не ощущаться, и, во-вторых, у нас масса захоронений радиоактивной земли. Невзоров называл цифру — больше 1300 микрорентген... Для меня Петербург — необычайно мощная мистическая единица, город, где все этим пронизано и все возможно.

— А что вы — ленинградец — думаете о гидасповском и антигидасповском митингах?

— Знаете, я не очень хорошо себе представляю, кто такой Гидаспов. Меня все это мало интересует. Нам иногда навязывают имидж борцов против застоя. Вообще любой имидж нужен только для того, чтобы разрушать его с его же помощью. Так вот, мы никогда ни с кем не боролись. «Аквариум» — это группа людей, объединенных воплощением определенной духовной цели в искусстве и в жизни. Нам никто не может мешать играть нашу музыку. Почему-то, когда я на работу и на концерты ездил в одних и тех же штанах, считалось, что я боролся, а как начал ездить в разных — считается, что продался. Изменились не мы, а гостарство. Мы ни к кому не приноравливались и ни с кем не сражались, ибо кайфа в этом нет. Я вообще противник всякого насилия. Насилие, как сказал кто-то из древних, — последнее прибежище некомпетентности. Ориентир «Аквариума» — это книга Толкина «Хоббит» и трилогия «Повелитель колец»: там как раз о том, как героические дела совершаются совершенно негероическими людьми... Другой наш ориентир — это «Битлз» второй половины 60-х, люди, делавшие только то, что они хотели и во что верили. Этим и надо заниматься, а не борьбой.

— Позиция довольно инфантильная. Так и отлично! Скажите, кто не инфантилен? «Будьте как дети, и войдете в Царствие Небесное!» — я не хочу выглядеть ортодоксом, просто в Библии многое верно сказано.

А что касается детства — я не чувствую в себе никаких перемен с 12-14 лет. То есть какие-то сдвиги есть, но принципиальные. Я до сих пор воспринимаю очень взрослым любого, кому 25.

— Позиция довольно инфантильная.

— Так и отлично! Скажите, кто не инфантилен? «Будьте как дети, и войдете в Царствие Небесное!» — я не хочу выглядеть ортодоксом, просто в Библии многое верно сказано.

А что касается детства — я не чувствую в себе никаких перемен с 12-14 лет. То есть какие-то сдвиги есть, но принципиальные. Я до сих пор воспринимаю очень взрослым любого, кому 25.

Долгопятые девяностые

— Что же вы ждете от наступающих девяностых?

— Сейчас... Можно у вас «Стрелку» стрелнуть, а то у меня «Беломор» кончился?

— А можно, я у вас «Салем» стрелну?

— Конечно, пожалуйста... Так вот, будущее — закрытая для меня сфера. Я никогда прогнозов не делаю. Если в песнях что-то вдруг сбывается — иногда буквально, — меня это пугает, это происходит независимо от меня. А заниматься пророчествами я не люблю, не умею. Но мне кажется, что после ревущих восьмидесятых настанут деревенские (или долгопятые) девяностые. Мы прочно входим в фазу деревенского отношения к жизни, где весь мир предстанет глобальной деревней с ощущением тихого праздника. Человек ощутит себя частью традиции. Это будет время спокойного занятия своим делом. Ноль тусовки. Тусовка хороша для общения, но для работы, творчества — губительна. В девяностые

КУМИРЫ